

Митина Наталья Георгиевна

ГЕНЕЗИС УТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья раскрывает культурно-исторический контекст генезиса утопии. В эпоху Возрождения происходят значительные изменения в системе культурных ценностей. Человек находит новые способы совершенствования мира, где утопия выступает в качестве социальной алхимии. В процессе исследования удалось выделить базовые характеристики феномена утопии. Автор приходит к выводу, что для целостной оценки феномена утопии необходим социокультурный подход, который позволит выявить закономерности появления утопии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 111-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 167.5

Философские науки

Статья раскрывает культурно-исторический контекст генезиса утопии. В эпоху Возрождения происходят значительные изменения в системе культурных ценностей. Человек находит новые способы совершенствования мира, где утопия выступает в качестве социальной алхимии. В процессе исследования удалось выделить базовые характеристики феномена утопии. Автор приходит к выводу, что для целостной оценки феномена утопии необходим социокультурный подход, который позволит выявить закономерности появления утопии.

Ключевые слова и фразы: утопия; социальная алхимия; оборотничество; жизненный мир; социокультурный подход; идеал; проект.

Митина Наталья Георгиевна, к. филос. н., доцент

Морской государственный университет им. адмирала Г. И. Невельского

Millkonf@yandex.ru

ГЕНЕЗИС УТОПИЧЕСКОГО ДИСКУРСА[©]

Понятие «утопия» появилось в философии в 1516 г. благодаря Томасу Мору. Эпоха Возрождения, с которой связано появление данного понятия, принесла радикальные перемены в интерсубъективное поле культуры. Как только в эпоху Средних веков появилась потребность в разуме (первоначально для усвоения веры), человек стал постепенно освобождаться от «пут» веры и обретать уверенность в себе. Разум, опытный разум, выступает в качестве гармонизирующего элемента между миром и Богом, миром и человеком. Именно разум, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, позволил человеку осознать свою самостоятельность и независимость от веры [11]. На смену человеку Средневековья приходит человек эпохи Возрождения, человек, который обнаруживает свою индивидуальность, отличие от других. Возникает оппозиция между объективным и субъективным, что порождает человека-демона: человек существует и не существует одновременно. Существовая субъективно, он не существует в матрицах культуры, нет объективного критерия индивидуальности. Но, existing субъективно, он вносит изменения в традиционные матрицы: происходит выход за пределы нормы, что порождает новое (иное). Обретая свободу, человек предпринимает попытку самоутвердиться – человек творец самого себя.

По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, в жизни этого человека проявляется его профетический дар [12]. Способность предугадывать позволяет человеку «предвосхищать будущее». Необходимо подчеркнуть, что профетический дар характерен для русской философии в целом и, с нашей точки зрения, способен генерировать утопии. С помощью фантазии человек предварительно конструирует себя и свое бытие, т.е. выступает «творцом». И наиболее ярко эта способность человека проявляется с началом эпохи Возрождения (XV век), когда человек изменяет свое отношение к миру и мирскому – «тяги к этому миру, греза о нем; он уже устремлен к его культуре наподобие стрелы, летящей к цели», - подчеркивает Ортега-и-Гассет [Там же, с. 379]. В целом XV век – стремление к новому, грядущему; это мир, который становится самостоятельным по отношению к Богу, обретает свою тайну, поглощает религию, вторгаясь в нее [Там же, с. 383-385]. Мир, в котором формируются новые штампы культуры, и представление об индивидуальности входит в социально-культурный контекст. «Путь от человека до бога сократился до точки...», – отмечает В. Л. Рабинович. – Остаются индивидуальные индивидуальности. Все до одного разные. Они творят идеализированные объекты, а из них мир как образ...» [14, с. 147]. Желание человека выступить в роли творца приводит к появлению первых утопий (Т. Мор, Т. Кампенелла).

Происходило обмирщение – «секуляризация Бога», Бог предстает как человек, достигший абсолютного совершенства, и процесс совершенствования переносится с человека на окружающий мир. Человек находит новые способы совершенствования мира, где утопия выступает в качестве социальной алхимии – с ее помощью человек реализует в своем сознании проект трансформации общества.

Поскольку Бог отходит на второй план, человек ощущает себя Богом и пытается изменить, но не себя (человек-демон не может просветиться), а окружающий тварный мир, свои условия. Феномен алхимии относится к концу эпохи Средних веков, когда сосуществуют две культуры: культура Средневековья, которая апеллирует к Богу, и элементы новой культуры, которая апеллирует к вещи. Точное определение значению алхимии дает В. Л. Рабинович: «Алхимия – это способ существования в составе средневековой культуры гипертрофированно-средневековых форм» [Там же, с. 138]. Человек подражает творениям Бога – тварному миру, который далек от совершенства, и алхимик пытается «доделать» то, что не доделал Бог. Как подчеркивает В. Л. Рабинович, алхимия нацелена на «радикальное превращение вещества»: «Реальный мир алхимика с самого начала поляризован. Противоположные крайности: несовершенное – совершенное, тварное – несотворенное». По сравнению со вторым сконструированным миром, реальный мир менее реален для него [13, с. 52-99]. Как в алхимии, по выражению В. Л. Рабиновича, «осуществляется конструирование идеализированного предмета» [Там же, с. 342], так в социальной алхимии конструируется идеализированное общество – формируется утопия.

В Средневековье для человека время было ограничено вечностью, он не ощущал возможности творить будущее, а сам образ будущего формировался Церковью. Возможность выступать в качестве творца у человека появляется только в эпоху Возрождения – Нового времени, здесь проявляется пророческий дар человека, о котором мы уже говорили, реализуемый, в том числе в форме утопии. Происходит ускорение времени, и будущее уже не выглядит чем-то далеким и недостижимым, что позволяет верить в возможность реализации создаваемых утопий. Если образ будущего в Средневековье имел божественный характер, то образ будущего в Новое время, а следовательно, и его продукт – утопия – результат деятельности человеческого разума и строится уже на научной основе. Автор утопии рассматривал ее не просто как фантазию, а как проект-модель возможного будущего. Таким образом, представления будущего в Средние века – это образ Рая, а в Новое время – это идеализированное общество, нашедшее выражение в форме Утопии.

Традиционно утопия рассматривалась как некое «место, которого нет». Современный исследователь В. Шестаков считает необходимым остановиться на четырех вариантах происхождения термина «утопия». Первое – это греческое «у» – нет и «топос» – место, т.е. место, которого нет. Другое истолкование от греческого «ев» – совершенный, лучший и «топос» – место, т.е. совершенное место. Следующая модификация – это «дистопия», от греческого «дис» – плохой и «топос» – место, т.е. плохое место, противостоящее утопии. И еще один термин «ентопия» – от греческого «ен» – здесь, «топос» – место, т.е. противоположно утопии, место, которое здесь [17, с. 245-246].

В научной литературе существует много классификаций утопии. В основу классификаций положены различные начала, например Ф. Полак предлагает классификацию на основе подлинности [21], Ф. Э. Манноэль – на основе идеала [19], Л. Мэмфорд – на основе направленности духовных потребностей человека [20], В. П. Волгин предлагает взять за основу общественный идеал [7]. Более разнообразную типологию утопий предлагает Е. Шацкий, одновременно предпринимая попытку установить связь утопии и традиции [16]. Исследования утопии, предпринятые Э. Я. Баталовым и Е. Шацким, обращают внимание на различные классификации утопии, существующие в научной литературе [1, с. 7-97; 16, с. 15-204]. Необходимо подчеркнуть, что предлагаемые классификации, по мнению исследователей, необходимы для упорядочения явления утопии, но не могут претендовать на абсолюты [16, с. 59], и более того, критерии классификации должны быть имманентными [1, с. 41]. Исследователям удалось выделить отдельные особенности утопии, но необходимо посмотреть на феномен утопии целостно.

Попытки осмысления утопии предпринимались издавна, и понятие утопии развивалось и значительно видоизменилось. Например, исследователь XIX века А. Свентоховский считает необходимым обратиться к понятию утопия в его самом полном объеме и дает следующее определение: «будем под утопией разуметь всевозможные умопостроения улучшенных форм человеческого общежития в будущем» [15, с. 8-9]. Современный исследователь утопии М. В. Шугуров дает следующее определение: «Утопия – универсальная реакция на мир, в котором истинность неявна, и где дисгармония прочно и плотно скрывает в себе гармонию» [18, с. 164]. Представленные определения рассматривают явление утопии через призму сознания субъекта и также не останавливаются на ее сущности. Достижение цели – полного осмысления утопии – представляется возможным с помощью социокультурного измерения данного явления.

Основываясь на происхождении термина «утопия», мы можем выделить систему исходных координат, артикулирующих феномен утопии в горизонте целостности.

1. Утопия редуцирует к топологии (топос).
2. Наличие альтернативы (нет – здесь).
3. Аксиологический аспект (совершенный – плохой).

Топология утопии связана с двумя позициями, оформившимися в Средневековой философии, – реализмом и номинализмом. Номинализм утверждает, что реально существуют единичные предметы, а не «универсальные» понятия, а реализм – объекты в мире существуют независимо от нашего осмысления и ощущения [2, с. 492; 3, с. 145-146]. Реальный мир становится иллюзорным: существующее нельзя выразить в рациональном образе – общее существует в человеческом слове. Данная связь указывает на существование в топологии утопии двух взаимодополняющих свойств мира – действительности и возможности, которые возвращают нас к самой вещи, исключая субъективные представления о ней (эйдетическая редукция – вещь в модусе смысла). В качестве допущения можно предположить, что топология утопии связана с пространственными представлениями, дальнейшая трансформация которых происходит в эпоху Возрождения. Если ранее пространство формировалось традицией и было относительно статичным, то с изменением отношений между миром и Богом происходит изменение пространственных установок.

Алхимические трансформации – оборотничество – являются центральной мифологемой алхимии. Топос остается – «предмет остается предметом, хотя и другим» [13, с. 202-203]. Происходит смешение вещи и понятия с видоизменением одного другим, по определению В. Л. Рабиновича, – алхимический рецепт является двуфункциональным, совмещающая в себе действие и священнодействие [Там же, с. 92-93]. Здесь появляется идея «замещения объекта». Смещение производит утопию и участвует в производстве повседневности.

В этот период складывается мир повседневности, являющийся интересубъективным миром культуры, где человек реализует свой пророческий дар. Данная возможность появляется в связи с изменением пространственных представлений. Это так называемое «расколдовывание» мира, в результате которого пространственные отношения определяются уже не религией, а разумом, и становятся прагматическими, а пространство – подвижным и гибким, готовым к изменению. И, как следствие, – желание человека изменить мир. Утопия, таким образом, связана с проективностью, которая определяет ее пространственные и временные характеристики.

Новый порядок жизненного мира, формирующийся в эпоху Возрождения, позволяет реализовать творческие способности человека, который теперь выступает в роли «творца». Пространство выступает как средство организации и преобразования природного мира. В этом процессе проявляется проективная способность человеческого разума – перспективное видение. Изменяется статус субъекта, который, познавая мир, придает ему смысл. Следовательно, повседневность – это место, где формируется смысл.

Аксиологический аспект утопии – это ее направленность на социальное совершенство. Социальная природа утопии требует рассмотрения понятия «социальность». Обратимся к трактовке «социальности» у Э. Дюркгейма [8-10], которая связана с понятием «коллективные представления». Социальная реальность как таковая приобретает смысл только в результате своей коллективной природы; социальность принуждает к совместности для установления порядка. И, следовательно, коллективные представления выступают в качестве фабрик по производству социальной реальности и принудительно навязываются обществом отдельному индивиду. «Социальность» у М. Вебера [5; 6] раскрывается с помощью теории социального действия как совокупный продукт действий индивидов, которые носят осмысленный характер и соотносятся с действиями других людей, ориентируясь на них.

Вебер выделяет четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное [6, с. 628]. Необходимым атрибутом социального действия является осмысленность. Осмысленность означает, в свою очередь, наличие цели, которая предполагает существование ценностной позиции, а в основе ценности лежит идея – идеал [5, с. 348]. Вебер приходит к понятию «идеальный тип», который представляет собой мысленный образ, дающий нам в абстрактной теории «идеальную картину». «Этот мысленный образ сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей» [Там же, с. 389-390]. Следовательно, социальное действие можно рассматривать как реализацию-воплощение мысленного образа-проекта (утопии). Таким образом, социальность является пространством, порождающим утопию.

Понятие «социальность» тесно связано с пространственными характеристиками, поскольку пространство является составляющей мира повседневности, где происходит формирование системы ценностей, а социально-пространственные отношения выступают как способ реализации возможностей, сформированных в данном пространстве. Пространство повседневности структурировано мерой человеческого восприятия. Сложившиеся в социальном опыте «коллективные представления» (совокупность явлений культуры) участвуют в воспроизводстве общественного бытия. В свою очередь, механизмы функционирования жизненного мира обеспечивают единство социальной общности, вызывают общие эмоциональные реакции. Общие эмоциональные реакции реализуются в том числе и в виде идеальных представлений, основанных на ценностных характеристиках, существующих в социуме, то есть генерируют утопии. И в этом процессе для нас важен ценностно-рациональный тип социального действия, участвующий в генерации утопических идей.

В социальном пространстве утопия может выступать как замещающий объект. С эпохи Нового времени это проявляется в дискурсе, где утопия через аллегорию осуществляет критику социальной реальности, и в компенсаторской функции, которую она выполняет, компенсируя негативные проявления социальности – идеализируя будущее. Социальные действия непосредственно участвуют в данном процессе, формируя социальные отношения и социальные институты.

Следовательно, являясь продуктом социальности, утопия выходит из коллективных представлений и социальных действий, на что указывают механизмы функционирования жизненного мира, участвующие в воспроизводстве общественного бытия. Проекция в будущее в утопии секуляризируется, и она становится повседневной практикой. Таким образом, механизмы жизненного мира, формирующие социальность, принимают непосредственное участие в воспроизводстве утопии, что объясняет причины ее «вечного» существования.

Наличие в генезисе утопии социальной и культурной составляющих позволяет нам утверждать необходимость использования социокультурного подхода для целостной оценки утопии. Данный подход позволит выявить закономерности появления феномена утопии.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 1999. Т. 1. А–О. 544 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 1999. Т. 2. П–Я. 528 с.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
6. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
7. Волгин В. П. История социалистических идей. М. - Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1928. Ч. 1. 299 с.
8. Дюркгейм Э. Коллективный ритуал / пер. В. И. Гараджи // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Наука, 1994. С. 438–441.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Гофман. М.: Канон, 1996. 432 с.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

11. **Ортега-и-Гассет Х.** Вокруг Галилея (схема кризисов). Лекция 10. Этапы развития христианской мысли // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. Изд-е 2-е. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. С. 356–369.
12. **Ортега-и-Гассет Х.** Вокруг Галилея (схема кризисов). Лекция 11. Человек в XV веке // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. Изд-е 2-е. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. С. 370–387.
13. **Рабинович В. Л.** Алхимия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 704 с.
14. **Рабинович В. Л.** Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля. М.: Энергоиздат, 1981. 152 с.
15. **Свентховский А.** История утопии / вступит. ст. А. Р. Ледницкого; с разрешения автора перев. Е. Загорский. М.: Издание В. М. Саблина, 1910. 428 с.
16. **Шацкий Е.** Утопия и традиция / пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
17. **Шестаков В.** Утопия // 50/50: опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 244–248.
18. **Шугуров М. В.** Утопия, или Странствие в смысловых далях сознания // Философский век: альманах. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2000. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. С. 158–169.
19. **Manuel Frank E., Manuel Fritzie P.** Utopian Thought in the Western World. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1979. 907 p.
20. **Mumford L.** The Story of Utopias. N. Y.: The Viking Press, 1962. 315 p.
21. **Polak F.** The Image of the Future. Amsterdam: Elsevier, 1973. 326 p.

UTOPIAN DISCOURSE GENESIS

Mitina Natal'ya Georgievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Maritime State University named after Admiral G. I. Nevel'skii
Millkonf@yandex.ru

The author reveals the cultural-historical context of utopia genesis. The Renaissance brought radical changes to culture values system. The man finds new ways to improve the world, where utopia acts as a social alchemy. In the process of the research the author singles out the basic characteristics of utopia phenomenon, and comes to the conclusion that social-cultural approach, which allows revealing the laws of utopia origin, is necessary for the integral assessment of utopia phenomenon.

Key words and phrases: utopia; social alchemy; oborotnichestvo (ability to turn into another creature or object); life world; social-cultural approach; ideal; project.

УДК 7; 123.1+17.033

Философские науки

Статья посвящена рассмотрению роли свободы в качестве категории моральной философии в теоретико-методологическом аспекте. Определяя актуальность теоретико-методологического акцента в моральной философии и проводя анализ наиболее влиятельных на сегодняшний день подходов к категориальному построению систем моральной философии, автор показывает специфику функционирования категории «свобода» в сфере морали, на основании которой формулирует положение о возможных формах и способах ее функционирования, а также выявляет внешнюю дифференциацию и внутреннюю архитектуру названной категории.

Ключевые слова и фразы: свобода; моральная свобода; архитектура свободы; моральная философия; теоретико-методологическое значение.

Мишагин Павел Андреевич

Сибирский государственный технологический университет
phileophronesis@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «СВОБОДА» В СИСТЕМЕ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ[©]

Исследование категорий в отечественной моральной философии как никогда актуально в наши дни. Непроработанность в целом понятийно-категориального аппарата в российской моральной философии отмечается известным отечественным исследователем А. В. Прокофьевым. Как пишет автор: «Прежде всего, российская этика на настоящий момент не имеет проработанного языка для обсуждения проблем социальной практики» [13, с. 12]. Особенно актуальным в этой связи оказывается философское обращение к вопросу теоретико-методологического значения категории свободы в системе моральной философии, новое видение которого открывается с особой остротой только на современном информационном этапе развития общества.